

DOI: 10.15372/HSS20200109
УДК 94(571.5)

Л.В. КАЛЬМИНА

«ЕВРЕЙСКИЙ» ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СИБИРИ В 1880-е -1910-е гг.: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ВЕЗЕНИЕ?

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В статье анализируется экономическая деятельность сибирских евреев – в большинстве своем ссыльных и детей ссыльных – в последней четверти XIX – начале XX в. Несмотря на ущербное правовое положение, евреи за несколько десятилетий завоевали лидирующие позиции в ряде отраслей сибирской экономики. Автор выявляет причины этого феномена. К числу объективных причин он относит смену экономического статуса Сибири, которая в исследуемый период начала переход к капитализации экономики. Субъективный фактор автор видит в том, что евреи, привыкшие к предпринимательству в условиях свободной конкуренции, оказались в Сибири на своем месте. В то время как местному купечеству еще предстояло привыкнуть к новым условиям ведения промышленных и торговых дел, евреи уже действовали по веками наработанной схеме. Умение просчитать конъюнктуру рынка, соотносить спрос и предложение, способность оказаться там, где в их навыках была особая нужда, позволили им победить конкурентов даже в непривычных условиях.

Ключевые слова: Сибирь, Забайкалье, евреи, ссылка, торговое предпринимательство, мобильность, проникающая сила, рыночная конъюнктура, гильдейское купечество, золотопромышленность, ремесло.

L.V. KALMINA

JEWISH ECONOMIC PHENOMENON IN SIBERIA, 1880 – 1910s: REGULARITY OR OCCASION?

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Jews in Siberia had a status of exiles for the most part: the law prohibited the followers of Judaism to leave the boundary of a settled area. However, despite the adaption difficulties in an alien region, Siberian Jews in the second-third generation occupied strong positions in local economics taking leading roles in some industries and replenishing the ranks of local merchants. The article objective is to reveal the reasons of such fast ascent of Jews to the local economics peak. Was it only a lucky occasion for them or the result of some regularity? The research source base includes five regional archives giving the possibility to trace the process from the exiled status to regional business elite representatives, and reference publications at the edge of the XIX – XX centuries estimating Jewish firms' state in the Siberian economic space. Analyzing these material the author came to the following conclusions. Siberia changed its status during the investigated period. The concept of its economic development envisaged territorial raw material resource's transformation into military-strategic and trade-industrial base at the Eastern imperial boundaries, for which the transfer of its economy to capitalist rails became necessary. For that reason the regional authority encouraged business initiatives independently of their origin. The exiled, including Jews, began to be regarded as a colonization resource. Having many centuries of experience of activities under the market economics conditions, the Jews naturally integrated into transforming Siberian economic structure. Due to their ability to take into account the balance of supply and demand and establish economic relations, they quickly took the leading positions in Siberian colonial industries – trade and mining. Jewish business inherent features, such as industriousness and entrepreneurial spirit, willingness to take risk, readiness to settle for less, at least in the beginning, allowed the former exiles to take their place among regional business elite.

Key words: Siberia, Transbaikalia, Jews, exile, trading entrepreneurship, mobility, penetrating power, market rivalry, guild merchants, gold mining, handcraft.

Лилия Владимировна Кальмина – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: kalminal@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-8577-2496>.

Lilia V. Kalmina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XIX в. в некоторых сибирских городах (Красноярске, Каинске) уже сложились общины «вольно зашедших» евреев. Но со второй трети XIX в. Сибирь стала территорией, свободной от «еврейского присутствия»: Высочайше утвержденные правила 15 мая 1837 г. «решительно и навсегда» прекращали поселение евреев в Сибири. Оказаться в регионе они могли лишь в двух случаях: на службе в армии и в ссылке – по суду за уголовное преступление или в административном порядке за «порочное поведение». Либеральное законодательство Александра II, расширившее «жизненное пространство» отдельных категорий евреев (купцов I гильдии, обладателей университетских дипломов и свидетельств ремесленной управы, николаевских солдат, выслуживших полный срок службы по рекрутскому уставу), мало повлияло на количественный и качественный состав сибирского еврейства: получившие право повсеместного жительства в большинстве своем предпочли поселиться на других территориях. Однако за несколько десятилетий относительно малочисленные сибирские евреи заняли прочные позиции в сибирской экономике. Феномен «захвата» ряда ее отраслей продемонстрировали именно бывшие ссыльные¹, получившие шанс оказаться в Сибири. Шанс, обусловленный лишением логики запретом на пребывание в регионе законопослушных подданных империи иудейского вероисповедания.

Сибирская экономика, в которую предстояло вписаться еврейским ссыльным, имела противоречивые характеристики. С одной стороны, роль региона в общероссийском разделении труда даже к началу XX в. по сравнению с предыдущими столетиями существенно не изменилась: Сибирь оставалась поставщиком сырья, лишь меняя его разновидности – от пушнины до продукции сельского хозяйства. С другой стороны, несмотря на низкий технический уровень производства, регион имел высокую степень его концентрации, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса [1, с. 118, 119, 120]. В указанный период Сибирь стала объектом государственного интереса из-за потенциальных геополитических рисков, заключавшихся не столько в угрозе прямого военного отторжения российских окраин, «сколько в высокой вероятности их мирного экономического захвата инонациональным элементом и, соответственно, их “дрейфа” в сферы влияния других государств» [2, с. 188].

Следует отметить, что крупные государственные проекты (строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, аграрная колонизация) имели в первую очередь стратегическую направленность – укрепление восточных границ империи и обеспечение ее геополитических интересов. Еврейская, как и вся

сибирская ссылка, рассматривалась региональной администрацией прежде всего как колонизационный элемент, необходимый для экономического освоения региона [3, с. 67]. Однако этого было недостаточно, чтобы «пораженные в правах» дважды – как ссыльные и как собственно евреи с ограниченными российским законодательством возможностями проживания за пределами черты оседлости – сыграли заметную роль в сибирской экономике, приобретя вес и значение, в несколько раз превышающие их численность. Попытаемся разобраться, в чем причина еврейского экономического феномена. Был ли он изначально запрограммирован или стал продуктом обыкновенного везения?

«ОБРЕЧЕННЫЕ» НА ТОРГОВЛЮ

В сложившемся в Сибири общественном разделении труда евреи сразу заняли торговую «нишу», что было обусловлено рядом факторов. Во-первых, существующее законодательство четко определяло занятия, для евреев разрешенные и занятия запрещенные. Будучи по закону отстранены от наиболее престижных видов деятельности – государственного управления и сельского хозяйства (поскольку последнее подразумевало владение землей и земельные операции), евреи имели единственную возможность для создания материальной основы жизни в Сибири – принятие на себя роли «торгового» меньшинства, т.е. занятий профессиями с низким социальным статусом (торговля и финансы), не слишком привлекательными для элиты принимающих народов [4, с. 10; 5, с. 15]. При всем денежном могуществе, какое давали эти занятия, они веками презирались обществом, поэтому оставались уделом чужаков. Конечно, представители принимающего общества тоже были заняты в этой сфере, но у них всегда имелся выбор. У «торговых меньшинств» выбора не было: все остальные сферы занятости для них оставались практически недоступны. Сибирские евреи были просто обречены на роль торгового элемента, которую успешно играли со времени появления в Сибири до установления советской власти [6, с. 129].

Вторым фактором, повлиявшим на выбор евреями торговой специализации, было их особое правовое положение. Массовые выселенческие кампании из мест оседания евреев в места их официального причисления, которые они не имели права покидать без специального разрешения, стали нормой сибирской жизни. Постоянная неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала с максимальной прибылью, что могла дать только торговля, и скорого свертывания работ при первой угрозе выселения.

Третьим фактором можно считать веками сложившиеся традиции еврейского торгового предпринимательства. Оказавшиеся в непривычной обстановке мигранты, как правило, стремились воспроизвести привычный образ жизни. Евреи не стали исключением: свои хозяйственно-профессиональные навыки они успешно адаптировали к Сибири. Процент торгующих евреев в исследуемый период был неизменно выше их

¹ В данном контексте речь не идет о политической ссылке, которая в сравнении с уголовной была ничтожной и практически не оказала какого-либо влияния на развитие сибирского края.

доли в городском и сельском населении и в Западной [7, с. 61; 8, с. 102, 103], и в Восточной Сибири².

К началу XX в. при снижении общего числа обладателей купеческих свидетельств и вытеснении евреев черты оседлости на периферию деловой жизни [9, с. 117] в Сибири их число в среде гильдейского купечества неуклонно росло. Более высокий процент евреев в городском гильдейском купечестве относительно их доли в городском населении был характерен для всего сибирского региона, причем исследователями отмечено значительное увеличение доли евреев в купеческих гильдиях Сибири при движении на восток [10, с. 164]. По нашему мнению, это объясняется более поздним вовлечением восточных окраин империи в процесс интенсивной колонизации, когда евреи, уже адаптировавшиеся в Сибири и обретшие первоначальный капитал, смогли принять участие в этом процессе. На рубеже XIX – XX вв. в Томске, где евреи составляли 6,0 % населения, их доля в купечестве равнялась 28,0 % [7, с. 67 – 68]; в Иркутске – соответственно 7,5 и 35,0 %; в Верхнеудинске – 13,2 и 37,2 %. В административном центре Забайкальской области Чите евреи, по данным на 1900 г., составляя 18,9 % городского населения, в купеческом сословии имели абсолютное большинство – 54,1 %³. Еврейские торговцы заняли лидирующие места в торговле металлическими изделиями, скобяными товарами, оконным стеклом, готовым платьем. Особенно сильны их позиции были в Забайкалье: в 1908 г. в Чите из 46 фирм евреи владели 20, в Нерчинске из 21 – 12, в станции Сретенской из 30 – 22⁴.

Концентрация в руках еврейских предпринимателей до 80 % производства забайкальских городов, основание ими ряда отраслей (мыловарение, типографское дело), стремительное развитие сети их торговых предприятий и фактическое формирование городского торгового пространства позволили нам квалифицировать еврейское купечество Забайкалья как элиту сословия [11, с. 22]. Несмотря на численное преобладание в еврейском городском населении «за чертой» ремесленников и мелких торговцев, именно крупные купцы были особенно заметны – по выражению зарубежных исследователей, «кололи глаза обществу» [12, с. 648].

Казалось бы, еврейским торговцам просто повезло: их экономическая специализация весьма удачно наложилась на объективные потребности активно колонизируемого края, который остро нуждался в торговых посредниках

² Подсчитано по материалам Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 487. Л. 25–31; Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 1. Д. 55; Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 15051. Л. 17–18; Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 431, 745, 2792 а; Национального архива Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1402. Л. 16–29.

³ Подсчитано по материалам Сибирского торгово-промышленного календаря на 1901 год: год восьмой. Томск. [б.г.] С. 209 – 232; Памятной книжки Иркутской губернии на 1901 г. Иркутск, 1901. С. 58.

⁴ Подсчитано по: Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 год. Иркутск, 1908. С. 19–22.

и тем самым предоставлял еврейским предпринимателям широкое экономическое пространство для торговых маневров. Однако только ли в везении дело?

Еврейское торговое предпринимательство имело свои особенности, резко контрастирующие со сложившимися в сибирском обществе традициями торговли с ее размахом и в то же время медлительностью и дороговизной доставки товаров [13, с. 220], главной из которых была быстрая оборачиваемость денег. Исследователь экономической жизни еврейских общин И. Оршанский отмечал: «Еврейская торговля основана не на монопольном принципе заламывания втридорога, которое составляет жизненный нерв великорусского кулачества [...], а на вытекающем из неограниченной конкуренции в еврейском мире начале быстроты оборота при малом барыше, подчас даже убытке [...] купцы говорят, что пока рубль обернется у русского два раза, он у еврея обернется пять раз» [14, с. 112, 140]. Торговля с маленьким барышом, иной раз даже себе в убыток, вопреки расхожим представлениям о «жидовской» алчности, была типично еврейским принципом, равно как и отмеченная немецким социологом и экономистом В. Зомбартом способность евреев пожертвовать прибылью для того, чтобы впоследствии заработать больше [15, с. 175].

В Сибири эта особенность в силу ущербного правового положения ее носителей проявилась еще рельефнее. Для вчерашних ссыльных, которым надо было быстрее адаптироваться в крае, такие факторы, как востребованность все большим кругом людей, привыкших к «своему» еврею, и незаменимость в качестве торговых посредников, были на первых порах важнее сиюминутной выгоды. Еще одной особенностью еврейской торговли была мобильность. Не отличаясь размахом (вчерашним ссыльным сложно было конструировать в этом с русским купечеством, имевшим многолетние традиции и хорошо налаженные связи), она обладала удивительной проникающей силой. Евреи с легкостью снимались с насиженных мест, устремляясь туда, где еще не ступала нога конкурента. Еврейских торговцев можно было встретить и в глухой тайге, и в военных гарнизонах, и на строительстве железной дороги, и в инородческих селениях.

Происходивший, как правило, из социальных низов, не получивший от своих отцов другого наследства, кроме возможности проследовать за ними в Сибирь, не избалованный откупной системой и не зараженный предпринимательским снобизмом, будущий цвет еврейского купечества поначалу не гнушался никаким заработком. Иркутский купец 1-й гильдии Я. Домбровский начинал с торговли ваксой собственного производства. Известный забайкальский золотопромышленник А. Новомейский мальчишкой зарабатывал подвозом продовольствия на прииски на единственной лошади, которую купил на первый заработок. Верхнеудинский купец Г. Чаповский начал свой путь к богатству в качестве приказчика в винной лавке. А еврейские купцы в Якутской области, перекупив товар у крупных русских предпринимателей, не считали

зорным ехать с ним в отдаленные наследи, сокращая время его оборота и обеспечивая доставку в труднодоступные районы [6, с. 130, 132]. «...Не будь еврея, – писал отчет о Верхнеудинской ярмарке корреспондент «Восточного обозрения», – то ярмарка была бы похожа на «спящее царство». Надо сказать правду, что еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него»⁵. Привыкшие жить в условиях постоянной конкуренции евреи не знали себе равных как носители новых капиталистических форм торговли с ее мобильностью, гибкой ценовой политикой, изучением спроса и формированием предложения. Это позволяло им выигрывать конкуренцию с сибирским купечеством, которое, по оценке исследователей, медленнее адаптировалось к новым рыночным условиям, предпочитая «пассивные» способы получения прибыли [16, с. 126].

НОВАТОРЫ ОТ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Второй крупной сферой деятельности сибирских евреев была золотопромышленность, хотя, казалось бы, с самого начала здесь везение от них отвернулось. Во-первых, ко времени накопления бывшими ссыльными первоначального капитала для промышленной разработки золота его добыча пошла на спад, и без ее модернизации, требовавшей больших затрат, приносила больше убытков, чем доходов. Во-вторых, закон 12 июня 1860 г. запрещал сибирским евреям находиться в 100-верстной полосе от китайской границы, что закрывало доступ к золотодобыче тем немногим, кто успел туда проникнуть, и тем, кто в будущем планировал разрабатывать богатые приграничные прииски Забайкальской области. Наконец, сенатским разъяснением 1893 г. евреям запрещалось заниматься золотодобычей вне мест их причисления. Теоретически была возможность выехать на золоторазработки в другой округ или даже губернию, но только с разрешения и на короткое время.

Однако, несмотря на все препятствия, еврейские предприниматели сумели извлечь из новых правил немалую пользу. Невозможность наращивания золотодобычи в условиях транспортной оторванности от предприятий Европейской России и отсутствия местных заводов, выпускавших оборудование для золотых промыслов, привела к уходу русского капитала из этой сферы повышенного риска. Освободившееся место заполнилось этническим меньшинством. Евреи торопились использовать выпавший им шанс. Первое десятилетие XX в. было отмечено бумом их прошений о праве золотодобычи в баргузинской тайге: из 16 приисков Витимканского участка евреям принадлежало 13, из 16 приисков Ауниковского участка – 9, из 14 приисков Ципиканского участка – тоже 9⁶. Уже упомянутый нами крупный еврейский золотопромышленник А. Новомейский, прошедший путь от мелкого арендатора золотоносного участка до собственника

нескольких приисков, приобрел свои дяланы у известных в Сибири золотоискателей Сибирякова, Базанова и Базилевского, выехавших в столицу [17, с. 42].

Что касается сенатского разъяснения, то оно в известной мере даже способствовало развитию отрасли, к концу XIX в. переживавшей глубокий кризис. Поскольку еврейские золотодобытчики не имели возможности свободного перемещения по мере истощения приисков, они стремились «выжать» все возможное из золотоносного участка, который были вправе разрабатывать. Не случайно первые опыты модернизации отрасли в баргузинской тайге связаны с именами еврейских золотопромышленников, постоянно проживавших в Баргузинском уезде. Гидравлический способ промывки золота впервые был применен на Королонском прииске известного предпринимателя и мецената Я. Фризера, а привезенная из Англии драга впервые была использована на Андреевском прииске А. Новомейского [6, с. 152].

САПОГИ ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

Наконец, еще одной сферой деятельности, где евреи стали очень заметны, было ремесло. Запрет евреям на въезд в Сибирь пресек появление здесь ремесленников из черты оседлости, хотя логики в этом было мало: Сибири требовались мастерские люди. Характеризуя местную промышленность, которую иной раз трудно было отличить от ремесленничества, справочные издания писали: «В Восточной Сибири [...] фабрики считаются единицами [...] от печенья к чаю до сапожного гвоздя – все доставляется из «Нижнего» [...] Все же, что производится на месте, грубо, низшего достоинства» [...]⁷.

Ремеслом занимались в основном коренные сибиряки и ссыльные. Конкуренции среди них практически не было, поэтому евреи-ссыльные, которые на родине знали какое-нибудь ремесло (а таких было достаточно много), сразу открывали мастерские. В Каинске уже в середине 1860-х гг. ремеслом занимались исключительно евреи [7, с. 60]. К концу века в Тобольской и Томской губерниях ремеслами занималось около 20 % местного еврейства. Их основным занятием было изготовление одежды: в этой сфере было занято более половины всех ремесленников [8, с. 105]. В Красноярске в конце 1880-х гг. каждый десятый мастер был евреем, а в начале XX в. – уже каждый пятый. Самой распространенной специальностью у них и здесь была портняжная: евреев среди портных было больше половины⁸. В Иркутске в конце 1880-х гг. ремеслом занималась каждая четвертая еврейская семья, каждая пятая жила ремеслом в Чите, каждая седьмая – в Якутске⁹.

⁷ Памятная книжка Иркутской губернии 1884 г. Иркутск, 1884. С. 32.

⁸ Подсчитано по: ГАКК. Ф. 798. Оп.1. Д. 72. Л. 2 – 32; д. 157. Л. 42 – 43, 57 – 63.

⁹ Подсчитано по: ГАИО. Ф. 32. Оп.2. Д. 40. Л. 20–35; Ф. 91. Оп.2. Д. 466. Л. 1 – 81; ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 14022. Л. 164 – 217; НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп.2. Д. 5640. Л. 42–53.

⁵ Восточное обозрение. 1894. 13 апр. № 44.

⁶ Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 476.

В небольших уездных городках ремесло было у евреев вторым занятием после торговли.

Как и в торговом предпринимательстве, здесь также наблюдалось сильное имущественное расслоение. Большинство ремесленников была мелкими производителями, однако в начале XX в., с ростом потребностей сибиряков, искусные кузнецы, шляпники, жестянщики, обувщики, ювелиры, пряжники, шорники, часовщики довольно быстро пошли в гору, некоторые записались в купеческое сословие. Особенно хорошо шли дела у изготавливавших предметы роскоши, они сразу находили себе богатых клиентов. Среди заказчиков были даже губернаторы, что придавало обслуживавшим их евреям вес и обеспечивало гарантию от выселения.

ФЕНОМЕН «ФАТАЛЬНОГО ВЕЗЕНИЯ»

Удивительное дело: каждое новшество, грозившее предпринимательству евреев, они обращали себе на пользу. При изменении правил ведения бизнеса моментально приспособивались к новым. Любое запретительное действие со стороны власти тут же рождало противодействие, по силе превосходившее запрет. Для иллюстрации этих тезисов приведем два примера. С проведением Транссибирской магистрали сибирская торговля совершенно изменила свое лицо: отпала необходимость в крупных торговых посредниках, которые монополизировали весь товарный поток в пунктах сосредоточения больших партий товаров, ярмарки перестали играть главную роль в снабжении предметами первой необходимости. Торговцы даже с небольшим капиталом получили возможность открыть собственное дело и самостоятельно совершать закупки с учетом общественного спроса.

Многие предприниматели, не сумевшие приспособиться к новым условиям торговли, разорялись, тщетно пытаясь спасти нажитое. Но для еврейской торговли такие условия были привычны, поскольку она всегда базировалась не столько на объемах, сколько на мобильности, гибкости и всепроникающей способности.

Другой пример касается «отлучения» евреев в 1887 г. от винокурения и виноторговли, в которой они уверенно занимали первые позиции. Удар для еврейского предпринимательства был ощутимым, но, как оказалось, не смертельным. Вынужденные переориентировать свой бизнес на другие, разрешенные законодательством отрасли, еврейские предприниматели быстро заняли новую нишу – подряды, поставки продовольствия и снаряжения. Их клиентура изменилась: деревенских жителей, когда-то с нетерпением ожидавших приезда «своего» еврея с котомкой товаров, сменили военное ведомство и железная дорога. Но главное – с началом Первой мировой войны и принятием «сухого закона» стало ясно, что именно «еврейская» торговля и промышленность лучше всех приспособлены к нуждам войны. Производимые и продаваемые евреями товары – лесоматериалы, кожи, продовольствие – попали в разряд продукции стратеги-

ческого значения, тогда как винные «короли», в свое время избавленные законодательством от расторопного конкурента, потерпели крупные убытки из-за остановки производства. В забайкальском Верхнеудинске во время войны более 80 % продукции выпускалось на предприятиях, владельцами которых были евреи¹⁰.

Еврейские предприниматели приобрели солидность и лоск. Они уже имели хорошую репутацию (их «ссылное» прошлое было подзабыто), первоначальный капитал, достаточный для открытия солидного дела, и материальную состоятельность, упрочившую правовое положение. В создании крупных торговых домов евреи стали неперемными участниками, а ряд направлений в сложившейся экономической инфраструктуре полностью перешел под их контроль. Понятие «торгово-промышленный элемент» начало ассоциироваться с евреями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, было ли стремительное обогащение еврейских ссыльных во втором-третьем поколении счастливым стечением обстоятельств или в этом можно увидеть некоторую закономерность? В известной степени и то и другое. Евреям повезло оказаться в нужное время в нужном месте. Они уже пережили период первичной адаптации, когда самодержавие стало рассматривать Сибирь как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на восточных и юго-восточных рубежах России [18, с. 17], нуждавшийся в стремительной капитализации экономики. Но объективно сложившимся условиям надо было еще соответствовать. Еврейские предприниматели соответствовали. Их умение моментально определить конъюнктуру рынка, гибкость и пластичность бизнеса, умение извлекать пользу из любых неприятных неожиданностей, быстро приспособиваться к новым условиям и другие характеристики, заложенные многими поколениями их предков, способствовали тому, что они оказались в числе первооткрывателей капиталистического способа торговли и производства в Сибири. Известные дореволюционные исследователи иркутской еврейской общины оценивали их как «талантливых колонизаторов с исторически развившейся способностью быть носителями капиталистического духа» [19, с. 89, 235].

Следует учесть, что «еврейский сегмент» сибирской колонизационной волны составляли городские жители, изначально имевшие перед деревенскими элементами – ее основной массой – преимущество в виде опыта в «городских» занятиях. Зарубежные исследователи отмечают, что евреи, исторически связанные с городом и городской культурой, даже оказавшись в числе неимущих поденщиков, проявляли чрезвычайно высокую способность к социальной мобильности и легко поднимались от одного экономического статуса к другому [20, с. 175].

¹⁰ Подсчитано по: ГАРБ.Ф. 10. Оп.1. Д. 2874.

Немаловажным фактором прочного утверждения евреев в сибирской экономике являлись доброжелательность и веротерпимость местных жителей. Но это уже основа для самостоятельного сюжета.

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310269-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 2019. 340 с.
2. Зубков К.И. Колонизация в истории России: экономика и геополитика // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. Е.Т. Артемов. Екатеринбург, 2019. С. 186 – 190.
3. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60 – 73.
4. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 6 – 14.
5. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры: независимый научный журнал. М., 1999. № 1. С. 8 – 23.
6. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. 423 с.
7. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2013. 174 с.
8. Шайдуров В.Н. Немцы, поляки, евреи в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013. 260 с.
9. Блюх И.С. Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости и вне ее. СПб., 1891. Т. III. 323 с.
10. Гончаров Ю. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры: независимый научный журнал. М., 2000. № 3. С. 155 – 172.
11. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX вв.: элита сословия // Сибирские исторические исследования (Siberian Historical Research). 2016. № 2. С. 21 – 40.
12. Натанс Б. За чертой оседлости: евреи в дореволюционном Петербурге // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 634 – 687.
13. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. 325 с.
14. Оршанский И.Г. Евреи в России. СПб., 1872. Вып. 1. 233 с.
15. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. Ч. I (экономическая). 179 с.
16. Щеглова Т.К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX вв.). Сер. «Азиатская Россия». Иркутск, 2008. С. 117–128.
17. Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979. 383 с.
18. Букин С.С., Тимошенко А.И. Стратегические идеи модернизации Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2004. № 281. С. 17 – 20.
19. Войтинский В., Горништейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 390 с.
20. Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. Bibliotheca Judaica / пер. А. Сметанникова, Г. Зелениной. Иерусалим; М., 2007. 262 с.

REFERENCES

1. Zinoviev V. P. (ed.) Sketches of Northern Asian history of exploration and study. Tomsk, 2019, 368 p. (In Russ.)
2. Zubkov K. I. Colonization in the Russian history: economy and geopolitics. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ekaterinburg, 2019, pp. 186–190. (In Russ.)
3. Remnev A. V. Autocracy and Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 2, pp. 6–73. (In Russ.)
4. Dyatlov V. I. Jews: Diaspora and «trading people». *Sibirskiy evreyskiy sbornik*. Irkutsk, 1996, no. 2, pp. 6 – 14. (In Russ.)
5. Dyatlov V. I. Diaspora: trying to define the concept. *Diapory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 1999, no. 1, pp. 8 – 23 (In Russ.)
6. Kalmina L. V. The Jewish communities of Eastern Siberia, the mid – XIX century – February, 1917. Ulan-Ude, 2003, 423 p. (In Russ.)
7. Goncharov Yu.M. The Jewish communities of Western Siberia, the XIX – early XX centuries. Barnaul, 2013, 174 p. (In Russ.)
8. Shaidurov V. N. Germans, Poles, Jews of West Siberia, the XIX – early XX centuries. Saint Petersburg, 2013, 260 p. (In Russ.)
9. Bliokh I. S. Comparison of population's well-being and moral spirit in the Pale of Settlement and outside. Vol. 3. Saint Petersburg, 1891, 323 p. (In Russ.)
10. Goncharov Yu. The Jewish merchants of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Diapory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 2000, no. 3, pp. 155 – 172. (In Russ.)
11. Kalmina L. V. The Jewish merchants of Transbaikalia in the late XIX – early XX centuries: the merchants' elite. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 21 – 40. (In Russ.)
12. Natans B. Outside of the Pale of Settlement: Jews in pre-revolutionary Petersburg. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii*. Moscow, 2005, pp. 634 – 687. (In Russ.)
13. Rabinovich G. Kh. The big bourgeoisie and monopolistic capital in Siberian economics, the late XIX – early XX centuries. Tomsk, 1975, 325 p. (In Russ.)
14. Orshanskiy I. G. Jews in Russia. Iss. 1. Saint Petersburg, 1872, 233 p. (In Russ.)
15. Zombart V. Jews and economy. Saint Petersburg, 1912, Pt. 1. (Economic). 179 p. (In Russ.)
16. Shcheglova T. K. Image and ethnocultural identification of merchants at the fairs of the Siberian frontier in the second half of the XIX – early XX centuries. *Rossiya i Sibir': integratsionnye protsessy v novom istoricheskom izmerenii (XVIII – nach. XX vv.)*. Irkutsk, 2008, pp. 117–128. (In Russ.)
17. Novomeiskiy M. From Baikal to the Dead Sea. Jerusalem, 1979, 383 p. (In Russ.)
18. Bukin S. S., Timoshenko A. I. Strategic ideas of Siberian modernization in the late XIX – first third of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 281, pp. 17–20. (In Russ.)
19. Voitinskiy V., Gornshtein A. Jews in Irkutsk. Irkutsk, 1915, 390 p. (In Russ.)
20. Bartal' I. From the community to the nation: Jews of Eastern Europe in 1772–1881. Bibliotheca Judaica. Jerusalem; Moscow, 2007, 262 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 29.12.2019
Статья принята
к публикации 27.01.2020